

Талашова Наталия Григорьевна

ПРЯМОЕ ОПИСАНИЕ МУЖСКИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена прямому описанию отрицательных эмоциональных состояний в англоязычном художественном тексте. Автором рассматривается описание мужских эмоций с грамматической точки зрения, уделяется значительное внимание конструкциям и их лексическому наполнению. Исследование проводится с учетом "Грамматики конструкций" и ее основных понятий. Делается вывод о средствах описания мужских отрицательных эмоциональных состояний, используемых авторами современного текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 192-195. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'36:811.111

Филологические науки

Статья посвящена прямому описанию отрицательных эмоциональных состояний в англоязычном художественном тексте. Автором рассматривается описание мужских эмоций с грамматической точки зрения, уделяется значительное внимание конструкциям и их лексическому наполнению. Исследование проводится с учетом «Грамматики конструкций» и ее основных понятий. Делается вывод о средствах описания мужских отрицательных эмоциональных состояний, используемых авторами современного текста.

Ключевые слова и фразы: грамматика конструкций; конструкция; эмоциональное состояние; эгореференциальная речь; неэгореференциальная речь.

Талашова Наталия Григорьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

www.solnyshkoTal@mail.ru

ПРЯМОЕ ОПИСАНИЕ МУЖСКИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ[©]

В настоящий момент исследовательский интерес привлекает область знания под названием «грамматика конструкций», становление которой приходится на конец 80-х годов XX века, когда термин начинает появляться в лекциях и выступлениях, посвященных вопросам лингвистики. Родоначальником теории Грамматики конструкций считается известный американский лингвист, профессор Калифорнийского университета в Беркли, Чарльз Филлмор.

Согласно Грамматике конструкций, или, как ее сокращенно называют СxG, основной единицей языка является конструкция. Конструкция – это языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения и плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей [9, р. 4]. Именно конструкция оказывается в центре внимания при изучении синтаксиса и семантики. Конструкциями можно считать единицы любого уровня, поэтому их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения. Элементы разных уровней не просто связаны, они неотделимы и анализируются во взаимодействии друг с другом. Центральной идеей Грамматики конструкций является то, что при описании той или иной конструкции можно обращаться не только к семантико-синтаксическим, но и морфологическим и фонетическим свойствам отдельных составляющих. Конструкция как языковой знак представляет собой цельность и единство, объяснение одного класса свойств невозможно без обращения к другим уровням. Так, Е. В. Рахилина на основании своих наблюдений утверждает, что «конструкция похожа на сложенный пазл или решетку sudoku, в которых целое предстает как неделимое, но одновременно и как собранное из отдельных фрагментов...» [3, с. 22]. В теории грамматики конструкций конструкции делятся на простые и сложные, простые конструкции запоминаются целиком, сложные — получаются при взаимодействии простых и в результате операций над ними без жестких правил, но с опорой на общие принципы, которые носитель языка применяет в любой когнитивной деятельности, специально не заучивая.

Сам термин «конструкция» использовался в лингвистике давно; в русской традиции еще в 60-е годы прошлого века он использовался для описания сложных языковых единиц, функционирующих в речи как целое. Ю. Д. Апресян определял конструкцию как «цепочку символов классов, поставленных в соответствие словоформам некоторой фразы» [1, с. 46]. В своем труде «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» автор предложил классификацию русских глагольных конструкций, которую построил на материале моделей управления полутора тысяч наиболее продуктивных глагольных лексем. Им были построены трансформационные классы, деревья, иерархические классификации. Таким образом российский ученый уже в 60-е годы заложил основы того направления, которое впоследствии было разработано Грамматикой конструкций и распространено за пределы глагольных структур. Ю. Д. Апресян подходил к проблеме с точки зрения ученого-лексикографа. В концепции Ю. Д. Апресяна лексика описывается через конструкции. Мы же в нашем исследовании будем придерживаться подхода авторов СxG и рассматривать проблему с грамматической точки зрения, описывая конструкции с опорой на функционирование в них лексики.

Как было показано в наших предыдущих публикациях, в английском языке существует множество способов передачи эмоциональных состояний и широкий диапазон конструкций, описывающий отрицательные эмоции [4; 5].

Целью настоящей работы будет выявление средств прямого описания мужских отрицательных эмоций. Под прямым описанием мы понимаем непосредственное присутствие наименования того или иного отрицательного эмоционального состояния в высказывании. Начнем с эгореференциальной речи. Как показывает наше исследование, в мужской эгореференциальной речи, когда мужской персонаж делает высказывание о самом себе, упоминается небольшое количество отрицательных эмоциональных состояний: возмущение, сожаление, беспокойство, ненависть, шок, тоска, испуг. Самой продуктивной для описания данных эмоций является конструкция «person¹ + to be + negative emotional state», где константная часть представлена личным

местоимением первого лица и глаголом *to be* в любой грамматической форме, а переменная часть состоит из прилагательного или причастия, называющего какое-либо отрицательное эмоциональное состояние:

(1) *I'm very unhappy* [8, p. 209]. / Я очень несчастен.

(2) *I'm almost sorry to disappoint you, but as a matter of fact I was in Bradford* [10, p. 163]... / Мне жаль вас разочаровывать, но на самом деле я был в Брэдфорде...

Варианты данной конструкции включают другие связочные глаголы, например, *to get*. Однако в нашем материале они представлены лишь единичными примерами.

В рамках данной конструкции при описании эмоций наблюдается повышение и понижение интенсивности выражения отрицательного эмоционального состояния. В первом примере эмоция несчастья усилена первичным наречием *very*. Во втором примере интенсивность эмоции сожаления снижена наречием *almost*. Под первичными наречиями мы вслед за Б. А. Ильишом понимаем наречия, не образованные от какой-либо другой части речи [2, с. 135]. В рамках данной структуры снижение интенсивности эмоции наблюдалось также при использовании наречия *a little*. Так же, как и в женской эгореференциальной речи, в высказываниях персонажа-мужчины о самом себе снижение интенсивности эмоции наблюдается при выражении слабых эмоций, таких как волнение и сожаление. К слабым эмоциям мы условно относим те, которые либо не имеют внешнего проявления, либо имеют диффузное внешнее проявление. Нужно отметить, что для повышения интенсивности в мужской эгореференциальной речи, как показывает наш материал, используются только первичные наречия, а использование вторичных наречий не наблюдается.

В эгореференциальной мужской речи встретилось высказывание, представляющее собою разделительный вопрос, который, как утверждают лингвисты, более свойственен представительницам женского пола:

(3) *I was scared, wasn't I* [10, p. 232]? / Я был напуган, так ведь?

Возможно, эта особенность объясняется тем, что основными функциями разделительных вопросов являются: проверка предположения, запрос о согласии собеседника с говорящим, поиск подтверждения своей мысли, выражение сомнения [7, p. 258]. А мужской речи свойственна твердость, уверенность, мужчина обычно не ищет подтверждения своей мысли и редко сомневается. Несмотря на это, в данном примере мужской персонаж использует разделительный вопрос, проявляя черты «иневои» личности [6, с. 113-120].

Особый интерес представляют те примеры с конструкцией «*person*¹ + *to be* + *negative emotional state*», где указание на эмоциональное состояние дается в придаточных предложениях:

(4) *Because I was scared you'd fit me up* [10, p. 233]. / Из-за того, что я был напуган, ты смог меня обвинить.

В примере сообщается о состоянии испуга. Эмоция выражена в придаточном предложении причины. Центр сообщения оказывается смещенным: смысловой акцент переносится говорящим на причину, каузацию собственного эмоционального состояния. Говоря о распределении информации между главной и придаточной предикативными единицами, Лоренс Уайнстайн обращает внимание именно на эгореференциальные высказывания и подчеркивает, что говорящий обычно помещает в придаточную часть ту информацию, значимость которой он хочет преуменьшить [12, p. 104].

Также в мужской эгореференциальной речи встречается конструкция «*person*¹ + *to be* + *in* + *negative emotion*», где константная часть представляет собой личное местоимение первого лица и глагол *to be* с предлогом *in*, а переменная часть – собственно отрицательную эмоцию, выраженную существительным:

(5) *I guess I was in shock* [8, p. 177]. / Кажется, я был в шоке.

Отрицательное эмоциональное состояние выражено, как и в предыдущем примере, в придаточном предложении, в данном случае в придаточном дополнительном (в другой терминологии – изъяснительном). В примере сообщается о состоянии шока. Однако указание на эту сильную эмоцию снижено выражением субъективного мнения *I guess*. Эмоция представляется как контейнер, в который погружается человек. Такое высказывание, помещенное в контекст прошедшего времени, звучит менее категорично, поскольку предполагает возможность самосовершенствования, словно говоря: «Что было, то прошло» [12, p. 95-97].

В нашем материале также присутствуют не связочные, а иные конструкции, описывающие воздействие какой-либо ситуации или объекта на мужчину. Такими конструкциями являются «*to hate* + *situation*» и «*to make* + *person*¹ + *negative emotional state*». В первом случае константой является глагол *to hate*, описывающий отрицательное эмоциональное состояние ненависти. Переменной является лексическая группа в функции прямого дополнения, выражающая какую-либо ситуацию, которая собственно и каузирует отрицательное эмоциональное состояние говорящего-экспериментатора. Во втором случае константой является каузативный глагол *to make* и личное местоимение первого лица (в случае эгореференциального выражения эмоций). Переменной частью является эмотивное прилагательное или причастие. В первом случае, например, описывается отрицательное отношение, вызванное обязанностью персонажа присутствовать за обедом. Во втором случае описывается внешняя сила, заставляющая героя испытывать отрицательную эмоцию.

Теперь перейдем к неэгореференциальной речи. В неэгореференциальной мужской речи, когда мужчина, персонаж художественной литературы, делает высказывания о собеседнике или лице, не затронутом коммуникацией, в частности, в высказываниях о женщине-экспериментаторе отмечается разнообразие отрицательных эмоций: сожаление, огорчение, раздражение, смущение, беспокойство, удивление, ревность, испуг. Используются разнообразные конструкции. Когда мужчина высказывается о мужчине, то отмечает у него ограниченное количество эмоций, в основном эмоции сильные: ярость, гнев, отчаяние, раздражение. К сильным эмоциям мы условно относим те эмоции, которые получают более или менее отчетливое внешнее проявление. В неэгореференциальной мужской речи о мужчине-экспериментаторе используется небольшое количество конструкций. Самой продуктивной конструкцией является конструкция «*person*^{non-1} + *to be* + *negative emotional state*»:

(6) <...> *Banks* <...> *was also bloody irritated by their attitude* [10, p. 55]. / Бэнкс также был сильно раздражен их отношением.

Константная часть конструкции представляет собой обозначение одушевленной сущности не первого лица и глагол *to be*, переменная часть – эмотивное причастие *irritated*. Интенсивность эмоции повышена за счет использования вторичного наречия *bloody*, которое свойственно мужской речи. Под вторичным наречием мы понимаем наречие, образованное от другой части речи [2, с. 135].

Также в неэгоференциальной речи мужчины, когда тот делает высказывание о мужчине, используется конструкция «*person^{non-1} + verb + negative emotional state*». Эмоциональная насыщенность примеров с данной конструкцией проявляется главным образом за счет использования эмотивных наречий. Константой является местоимение не первого лица. Переменными являются глаголы и эмотивное наречие. В данной конструкции употребляются глаголы, описывающие действие, совершаемое под влиянием отрицательного эмоционального состояния или трактуемое как таковое. С помощью данной конструкции описываются ярость, злость, удивление и т.д. Позицию второй части конструкции обычно занимают глаголы жестикуляции:

(7) *He waved at him fiercely* [11, p. 128]. / Он яростно замахнулся на него.

Интерес представляет конструкция «*person^{non-1} + verb + in/with + negative emotion*». Константная часть данной конструкции представлена обозначением одушевленной сущности не первого лица и предлогами *in / with*. Переменная часть представлена глаголами речи и мимики и существительным, номинирующим отрицательную эмоцию. При употреблении данной конструкции была описана эмоция сожаления:

(8) *He smiled in benevolent pity* [Ibidem, p. 39]. / Он улыбнулся, доброжелательно сожалея.

Интенсивность эмоции понижена прилагательным *benevolent*, и отрицательная эмоция начинает мыслиться как положительная. При употреблении данной конструкции может наблюдаться обратная ситуация, когда положительная эмоция начинает мыслиться как отрицательная. Это происходит в зависимости от использования в структуре того или иного эмотивного прилагательного.

Подведем некоторые итоги. Учитывая особенности прямого описания отрицательных эмоциональных состояний, мы приходим к выводу, что автор современного литературного произведения упоминает небольшое количество эмоций, испытываемых персонажем-мужчиной. При их описании используется ограниченный диапазон конструкций разной степени продуктивности. При анализе лексического наполнения грамматических конструкций отмечается повышение или понижение эмоционального состояния за счет использования первичных и вторичных наречий. Мужчина, как показывает художественная литература, может употреблять разделительный вопрос, что традиционно считается преимущественно характеристикой женской речи. Описание эмоций в мужских высказываниях о себе самом были зафиксированы в основном в придаточных предложениях причины и дополнительных, что свидетельствует о том, что мужчина смещает смысловой акцент с эмоционального состояния как такового на причину, каузацию собственного эмоционального состояния. Используя конструкцию «*to make + person¹ + negative emotional state*», мужчина сообщает о внешнем воздействии, то есть воздействии какого-либо фактора или ситуации на себя. Используя конструкции «*person^{non-1} + verb + negative emotional state*» и «*person^{non-1} + verb + in/with + negative emotion*», отрицательные эмоции мужчины описываются мужчиной через мимику и жесты. Зафиксированы такие когнитивные процессы, когда отрицательная эмоция мыслится как положительная, а положительная как отрицательная.

Мужчины в английском социуме представляются сдержанными и закрытыми, не стремящимися дать выход своим отрицательным импульсам, часто обвиняя в своих отрицательных эмоциях некое внешнее воздействие.

В современном понимании, изучив развитие Грамматики конструкций, целесообразно перенести датировку и отнести зарождение данного направления к отечественной лингвистике 60-х годов XX века.

Соединение Грамматики конструкций с элементами когнитивистики позволяет расширить существующие представления об эгоференциальном и неэгоференциальном выражении эмоций в англоязычном дискурсе.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 256 с.
2. Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Высшая школа, 1968. 420 с.
3. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с.
4. Талашова Н. Г. К вопросу о косвенном описании мужских отрицательных эмоциональных состояний в англоязычном художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 180-183.
5. Талашова Н. Г. Прямое описание женских отрицательных эмоциональных состояний в англоязычном художественном тексте. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 195-197.
6. Чан Ван Ко. Время и восточная астрология // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М., 1997. С. 113-120.
7. Alexander L. G., Close R. A. Longman English Grammar. Edinburgh Gate, Harlow: Pearson Education Limited, 2005. 374 p.
8. Crichton M. Disclosure. N. Y. (MC), 1994. 455 p.
9. Goldberg A. Constructions: a Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: the University of Chicago Press, 1995. 265 p.
10. Robinson P. Dead Right. An Inspector Banks Mystery. London: Pan Macmillan (PR), 2001. 374 p.
11. Tarkington B. Alice Adams. СПб.: Антология, 2004. 254 p.
12. Weinstein L. Grammar for the Soul: Using Language for Personal Change. USA, Wheaton, IL: Quest Books / Theosophical Pub. House, 2008. 163 p.

**DIRECT DESCRIPTION OF MALE NEGATIVE EMOTIONAL STATES
IN THE ENGLISH LANGUAGE LITERARY TEXT**

Talashova Nataliya Grigor'evna
Saint Petersburg State University
www.solnyshkoTal@mail.ru

The article is devoted to the direct description of negative emotional states in the English language literary text. The author considers the description of male emotions from the grammatical point of view, pays considerable attention to the structures and their lexical content. The research is conducted with account of "Grammar of Structures" and its basic concepts. The conclusion about the means of the description of male negative emotional states used by the authors of modern text is made.

Key words and phrases: grammar of structures; structure; emotional state; ego-referential speech; non-ego-referential speech.

УДК 372.811.161.1

Педагогические науки

В статье охарактеризованы теоретико-речеведческие основы выполнения учащимися средних школ Беларуси учебно-текстологического анализа связных высказываний-образцов в аспекте воплощения в них основных признаков текста, с выделением целостности в качестве системообразующей категории. Приводится пример такого анализа. Отмечается его обучающая и развивающая ценность.

Ключевые слова и фразы: учебно-текстологический анализ высказывания; основные текстовые категории; тематическое единство; развернутость; последовательность; смысловая цельность; связность; законченность.

Таяновская Ирина Владимировна, к. пед. н., доцент
Белорусский государственный университет
tayanov@fut.by

**РЕЧЕВЕДЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК ОПОРА ДЛЯ ЦЕЛОСТНОГО
УЧЕБНО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СВЯЗНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ[©]**

В специальных филологических трудах по текстологии упоминается значительное количество – до нескольких десятков – признаков текста (см., например: [1-4]). В то же время, в фундаментальной речеведческой теории, на основе которой строится развитие русской речи в системе общего среднего образования в Беларуси, основными текстовыми категориями признаются шесть важнейших признаков связных высказываний: тематическое единство, развернутость, последовательность, смысловая цельность, связность и законченность.

Безусловно, глубокое и разностороннее познание сущности текста достигается только через осмысление многогранной совокупности текстовых признаков. Однако, на наш взгляд, при проведении учебно-текстологического анализа оправданным является, наряду с этим, выделение среди них системообразующего признака, как интеллектуального инструмента для упорядочения и знаний о тексте, и самой текстовой деятельности. Это имеет познавательно-практическую ценность, служит организующим началом, которое способно сообщить текстологическим представлениям новое, более высокое качество. Особое значение среди всех текстовых категорий возможно придавать широко трактуемой категории целостности, которую называют «объемной» [2], интегративной. При таком взгляде на проблему тематическое единство, последовательность, связность, законченность и др. признаки, в том числе дополнительные (например, информационная насыщенность или оценочность речевого произведения), воспринимаются как линейные, интегрируются в метапонятие целостности как отдельные ее проявления; при этом именно категория целостности обуславливает характер их воплощения.

Главенствующее положение признака целостности в различных плоскостях познания текста подчеркивается О. И. Москальской: данная категория проявляется не только в смысловом или только в формальном отношении, но одновременно «в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция» [3, с. 17]. Различными аспектами воплощения категории целостности текста являются предметно-содержательный, структурный, формально-речевой и технико-коммуникативный. Само выдвигание понятия целостности, как присущего системному качеству объектов, в основу анализа проблемы текста свидетельствует о реализации системного подхода к данному явлению, что должно придавать логически обоснованный характер учебно-текстологическому анализу речевых произведений, реализуемому с очерченных позиций.

В современном содержании языкового образования в Беларуси в значении, аналогичном метапонятию целостности, эпизодически употребляется понятие цельности [5, с. 10; 6, с. 21]. Отмечалось, что цельность